

ных критериев мысли. Крушение социальной веры в неизбежность схемы, созданной „разумом“ дворянских либералов, сопровождалось крушением веры в неизбежность, т. е. в общеобязательность, схем и вообще построений разума. Разум, логика как основы, дедукция как метод подвергаются сомнению. Сомнение в истине того, что казалось отцам единственно истинным, — это исходный пункт мироощущения и мировоззрения школы Муравьева-Карамзина.¹² Оценка Гукковского справедлива, но, очевидно, эти явления были характерны и для европейского и для русского общества. Как писал Ю. М. Лотман об идеологических процессах конца XVIII в.: «Многие чаяния и верования ... показали наивными. Пожалуй, самым основным среди вновь раскрывшихся перед современниками, прежде неизвестных им качеств была сложность».¹³

Идеологические процессы, отражающие определенный кризис методологии просвещения, имели и положительный смысл. Именно так выработывалось доверие к факту, предпочтение факта системе, что постепенно подводило к отходу от умозрительных, механистических представлений.

Эта же смена не столько концепций, сколько методов очень отчетливо проявилась и в историографии. Русская историография последовательно применяла просветительские концепции при рассмотрении хода русской истории. Это зачастую приводило к своеобразной «проверке» просветительских идей фактами русской истории.¹⁴

В работах Муравьева тоже проявилось доверие к факту, уважение к чужой точке зрения. В статье «О истории и историках» Муравьев сформулировал мысль об относительности, об исторической обусловленности любых оценок: «Понятия о силе царств и народов, нынешним временам свойственные, неправо прилагаются к происхождению первых обществ» (I, 312). Это можно рассмотреть как прямой призыв к историзму в оценке человеческого прошлого.

В черновых записях Муравьева есть еще одно интересное возражение Монтескье, свидетельствующее, что этот круг проблем интересовал его постоянно. Муравьев пишет: «Старые обычаи и по тому уже худы, что они стары. Они были очень хороши в свое время и были сообразны просвещению, правительству, нравам народов. А Монтескье говорит, что возвратить народ к древним его обычаям есть его поправить и возродить к новой жизни».¹⁵ Му-

¹² Гукковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 270—271.

¹³ Лотман Ю. М. Русская поэзия 1800—1810 гг. — В кн.: История русской поэзии. Л., 1968, т. 1, с. 191.

¹⁴ См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма... — Наст. изд., с. 32—41.

¹⁵ Это рассуждение записано в бумагах Муравьева дважды: один раз в тетради, которую он вел еще не будучи преподавателем, в 70-е годы